

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В XXI в. партии стали неотъемлемым элементом практически любого политического режима – неважно, соревновательного или несоревновательного, демократического или авторитарного. Даже партиям из однопартийных систем уже не отказывают в праве называться так лишь на том основании, что они не соответствуют стандартам, принятым в демократических странах. Пришло понимание, что и в несоревновательных (малоконкурентных, неконкурентных и совершенно авторитарных) режимах политические партии тоже выполняют некие функции, пусть и «вредные» – связанные не с контролем общества над властью, а, наоборот, с подчинением органов представительной власти правителям-автократам.

Как и большинство политических институтов, партии очень гибки и адаптивны. Они делают только то, на что существует запрос в их «среде обитания», и только в той степени, в какой этот запрос действительно существует. Те функции, которые не востребованы, довольно быстро отмирают (или трансформируются), но на смену им нередко приходят новые, которые в иные времена даже представить было невозможно.

Так, некогда партии тоталитарных стран взяли на себя обязанность (или право) воспитывать подрастающее поколение и осуществлять «контроль за умами», выступая также в роли социального лифта для выходцев из малообразованных классов. Зато функция организаторов избирательных кампаний и инициаторов реальной общественной дискуссии атрофировалась у таких партий практически полностью.

Однако набор функций, выполняемых партиями, подвержен изменениям не только в авторитарных режимах и новых демократиях, но и в странах с развитой политической культурой. Напри-

мер, в Европе с 1950-х годов отмечается тенденция к «американизации» партий, сопровождаемая постепенной атрофией идеологической и представительской функций и превращением партий из громоздких централизованных «армий» в своего рода брокерские конторы – именно эту тенденцию О. Кирхаймер обозначил как переход от массовой партии к так называемой catch-all-партии.

Представляемый номер посвящен эволюциям партийных функций под влиянием политической и институциональной среды, а также в зависимости от того, в условиях каких режимов – соревновательных или несоревновательных – вынуждены действовать партии.

В рубрике «*Состояние дисциплины: Исследования политических партий*» рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются партии всего мира и почти при любом типе политического режима.

В статье *Н.В. Гришина*, затрагивающей тему электоральной функции партий, крайне негативно оценивается тенденция к надделению партий статусом исключительных участников избирательного процесса. По мнению автора, подобная практика – не просто «сопутствующее явление», но институциональный атрибут недемократических режимов, и если в развитых странах, где она так или иначе компенсируется, тяжелых антидемократических последствий удастся избежать, то в странах, только вступивших на путь демократизации, под вопросом оказывается существование других субъектов электорального процесса – непартийных политических ассоциаций и избирательных объединений – и, как следствие, демократии в целом.

А.М. Гришина рассматривает возможность применения к анализу деятельности партий теории «организационной эффективности». Такую эффективность она предлагает оценивать в зависимости от того, насколько хорошо партии выполняют функции рекрутирования и мобилизации, т.е. как они привлекают сторонников и единомышленников. Делая обзор существующих в рамках означенной теории моделей, автор приходит к выводу о целесообразности использования при оценке организационной эффективности политических партий инструментария сразу нескольких моделей, в первую очередь – ситуационной и ресурсной.

Б. Магалони и *Р. Кричелли* анализируют основные подходы к изучению причин экспансии однопартийных режимов во второй половине XX – начале XXI в. Констатируя, что установление однопартийных систем помогает выживанию автократий, способст-

вужа мобилизации масс либо налаживанию переговорного процесса между элитами, авторы вместе с тем отмечают, что выявление этих функций еще не объясняет причин появления такого рода систем. Рассматривая различные пути установления однопартийных систем (исходя из отправной точки транзита – был ли это милитаристский режим, анархия, демократия или режим с доминирующей партией), Магалони и Кричелли приходят к выводу, что наиболее распространенной формой режимных изменений на протяжении последних пяти десятилетий являлись переходы от одного типа авторитаризма к другому. Авторы также ставят задачу построения всеобъемлющей теории, описывающей условия, которые способствуют возникновению и падению однопартийных режимов.

В рубрике *«Идеи и практика. Контекст: Партии в демократиях и недемократиях»* анализируются изменения в структуре партийных функций, произошедшие за последние несколько десятилетий как в развитых (Германия), так и в «молодых» демократиях (Мексика, Южная Корея), а также в тех странах, называть которые демократическими пока рано (Казахстан).

А.В. Белинский приходит к выводу, что за последние 20 лет политические партии Германии претерпели радикальные системные изменения и сегодня для них характерны деидеологизированность и «американизация» избирательных технологий – со ставкой на пиар и имидж лидера. По мнению автора, в настоящий момент немецкие политические партии выполняют не столько представительскую, сколько посредническую функцию.

Р. Саква, рассматривая итоги произведенного в 2000-е годы «переформатирования» российской партийной системы, приходит к выводу, что хотя режим и стал идентифицировать себя с одной крупной партией, однако действующая в стране система доминирующей власти не позволила сложиться в РФ доминантной партийной системе. По его мнению, «Единая Россия» и ее сателлиты служат инструментами скорее политической мобилизации, нежели представительства. Вместе с тем, полагает автор, дуалистический характер политического устройства России (имеется в виду пропагандируемая Р. Саквой идея о расхождении между «административным режимом» и «конституционным государством») способствовал развитию противоречий, которые сделали возможным усиление представительской роли партий.

В статье Чон Ён Цоя исследуются особенности политических партий Южной Кореи, в том числе специфика их участия в государственном управлении. Отмечается такая важная черта партийной системы страны, как регионализм (разные провинции поддерживают разные партии). При этом автор констатирует, что в последнее время региональная составляющая в южнокорейской межпартийной конкуренции сокращается, уступая место идеологическому размежеванию между консерваторами и либералами. Чон Ён Цой указывает также на отсутствие у основных партий страны готовности к компромиссу и способности решать проблемы страны путем взаимных уступок, что препятствует выполнению ими такой важнейшей функции, как согласование общественных интересов.

А.М. Гришина и Е.Ю. Мелешкина на примере Институционально-революционной партии Мексики изучили использование институтов – избирательного законодательства, неформальных правил и практик – для поддержания стабильности авторитарного режима и обеспечения доминирующего статуса партии-гегемона. По мнению авторов, долголетнему нахождению ИРП у власти во многом способствовало достаточно успешное выполнение ею функций представительства и социального патронажа в отношении широких слоев населения. При этом констатируется, что связанное с гегемонией ИРП институциональное наследие, в частности патронажные связи и клиентелизм, сильно осложняют консолидацию демократии на современном этапе развития страны.

Предметом исследования *С.Н. Шкеля* является роль кооптационной стратегии, взятой на вооружение Н. Назарбаевым с целью формирования устойчивых связей с элитами и различными социальными группами, в становлении партийной системы Казахстана. По мнению автора, опыт Казахстана подтверждает тезис, согласно которому институты сами по себе не влияют на авторитаризацию или демократизацию режима, а служат лишь инструментами политического лидера в его стремлении закрепить достигнутый уровень доминирования и обезопасить себя от рисков. С.Н. Шкель констатирует также, что инвестиции в создание «партии власти» («Нур Отан») и переход к пропорциональной несвязанной системе на парламентских выборах расширили кооптационные возможности режима и создали основы для его дальнейшей консолидации.

В статье *М.В. Ивановой* рассматриваются различные подходы к изучению целей и последствий избирательных реформ. Приводятся эмпирические подтверждения того, что в странах электорального авторитаризма изменения избирательного законодательства направлены на сохранение внутриэлитного статус-кво. На основе частотного анализа делается вывод о сохранении пропорций представительства региональных, национальных и бизнес-элит в составах Государственной думы трех созывов (2003, 2007 и 2011 гг.), что свидетельствует о выполнении российскими партиями в том числе функции элитного представительства (с учетом того, что в 2007 и 2011 гг. Госдума избиралась сугубо по пропорциональной системе).

Рубрика «*Ракурс: Функции и “дисфункции” политических партий в постсоветской России*» посвящена проблемам отечественных партий и партийной системы.

Г.В. Голосов и *И.С. Григорьев* анализируют динамику национализации российской партийной системы, понимаемой как унификация электоральной поддержки политических партий в различных регионах государства и отражающей способность партий выполнять функцию территориальной интеграции общества. Авторы фиксируют значимое расхождение между низкой территориальной гомогенностью голосования по мажоритарной системе (1993–2003) и высоким уровнем партийной национализации при голосовании по партийным спискам. По их мнению, данное расхождение обусловлено наследием режимной трансформации, федерализмом и президенциализмом и усугублено встраиванием в общенациональный политический порядок губернаторских «политических машин». По итогам исследования *Г.В. Голосов* и *И.С. Григорьев* ставят под сомнение общепринятый тезис о тождественности процессов национализации электората и консолидации партийной системы.

Предмет анализа *О.А. Толпыгиной* – динамика идеологической функции российских политических партий. Автор исследует, как условия политического контекста – специфика политического режима и институционального дизайна – влияют на идеологическое творчество политических партий.

В статье *Е.М. Шульман*, посвященной политическому содержанию законодательного процесса, констатируется, что только фракции и депутатские группы, которые правомерно рассматривать как партии в широком смысле этого слова, способны обеспе-

чить публичное и гласное обсуждение законопроектов с участием всех заинтересованных сторон и самого широкого круга экспертов, содействуя тем самым повышению качества законов.

Статья *О. Поповой* посвящена проблеме встраивания «малых» политических партий, созданных после изменения закона о партиях (2012), в политическую жизнь современной России. Анализируются возможности и перспективы партий простого представительства, в частности «гендерных», а еще точнее, «женских», стать эффективным участником политических процессов в современной России. Автор приходит к выводу, что, несмотря на преобладание женщин среди активных избирателей, «женские» партии имеют очень невысокие шансы на победу в выборах. В силу определенных обстоятельств эти партии в современной России обречены на роль спойлеров или спарринг-партнеров.

В статье *Я.Ю. Шапковой* и *А.И. Девятировой* констатируется, что в настоящее время функционирование российских партий на региональном уровне формально вполне соответствует трендам мирового партогенеза; скромная же роль партий в политической жизни обусловлена спецификой режима и отсутствием неформальных институтов, способствующих их укоренению в политическом процессе и легитимации массовым сознанием. Среди основных функций российских партий в регионах авторы упоминают прежде всего участие в электоральном процессе, представительство интересов элитных групп, мобилизацию, рекрутирование, социальный лифт, а также – в отдельных субъектах РФ (в определенные периоды) – и функцию легитимации местных режимов. Что касается законодательной функции, то здесь наблюдается резкое сужение роли партий, обусловленное понижением статуса органов представительной власти в целом. Отмечается также неэффективное исполнение партиями в регионах идеологической функции и функции формирования массового сознания.

В.С. Ковин и *О.Б. Подвинцев*, рассматривая причины невысокой роли партий в региональной и местной политике, незначительности их влияния на избирателей и низкой заинтересованности политических акторов в установлении с ними устойчивых связей, констатируют, что необходимость в консолидации сил и ресурсов приводит местных политиков к созданию не партий, а неформальных коалиций. Роль, преимущества и недостатки таких коалиций анализируются на примере местных выборов в Перм-

ском крае в 2012–2014 гг. Авторы отмечают, в частности, что эти объединения берут на себя исполнение таких свойственных партиям функций, как кадровая, организационно-технологическая, ресурсная, агитационная и идеологическая.

В заключение в рубрике «*С книжной полки*» публикуются рецензия Ю.Г. Коргунюка на книгу Г. Хэйла «Россия: почему не партии? Демократия, федерализм и государство» и рецензия В.Г. Виноградского на коллективную монографию «Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ».

Номер подготовлен при содействии Исследовательского комитета РАПН по сравнительному изучению партийных и избирательных систем.

Ю.Г. Коргунюк, О.А. Толыгина